

Johannesevangelium — Mitte oder Rand des Kanons? Neue Standortbestimmungen / Unter Mitarbeit von Klaus Berger, Joerg Frey, Udo Schnelle, Klaus Scholtissek, Michael Theobald, Jean Zumstein. Hrsg. von Thomas Söding. Freiburg; Basel; W.: Herder, 2003. (Quaestiones disputatae; 203). 317 S.

Показательно название рецензируемого сборника в сочетании с названием издаваемой немецкоязычным римо-католическим издательством «Herder» серии, в которой он увидел свет. Евангелие от Иоанна — центр или периферия канона? Для либеральной и, если можно так выразиться, пост-либеральной «неоконсервативной» западной библеистики это воистину *quaestio disputata* — обсуждаемый, оспариваемый вопрос. Как гласит помещенная на задней стороне обложки аннотация к книге, еще двадцать лет назад в западной науке Четвертое Евангелие считалось находящимся на периферии новозаветного канона «чужаком» (*Aussenseiter*), неким инородным телом в составе новозаветного корпуса. О таком его положении, казалось, свидетельствовали все его аспекты: слишком высокая христология, отвращающаяся от мира этика, неприемлемо резкое отношение к «Иудеям». Доходило даже до утверждения о том, что в самом факте включения Евангелия от Иоанна в канон книг Нового Завета сокрыта некая глубокая ирония, ибо, по мысли высказывавшего это соображение Эрнста Кеземанна, в Четвертом Евангелии нашли выражение те идеи, которые через несколько десятилетий после его создания были осуждены Церковью как ересь. Сама эта канонизация, таким образом, произошла *errore hominum et providentia Dei*¹.

Ныне, однако, в западной библеистике происходит «смена парадигм» (*Paradigmenwechsel*). Все большее распространение получает взгляд на Евангелие от Иоанна как на органическую часть новозаветного корпуса, связанную с разными слоями новозаветного предания множеством «взаимно скрепляющих связей» (Еф 4. 16). Для того, чтобы определить «новое местоположение» современного западного иоанноведения, и выпущен данный сборник, содержащий работы известнейших немецкоязычных исследователей Нового Завета, представляющих как римо-католическое (Клаус Шольтисек, Михаэль Теобальд и редактор сборника Томас Зёдинг), так и протестантское (Клаус Бергер, Йёрг Фрай, Удо Шнелле, Жан Цумштайн) богословие.

¹ Käsemann E. Jesu letzter Wille nach Johannes 17. Tübingen, 1980⁴. S. 154. Эта мысль в качестве неприемлемого положения неоднократно цитируется в работах, входящих в рецензируемый сборник.

Каждый из названных ученых является автором как минимум одной крупной книги, посвященной Евангелию от Иоанна или иоанновскому корпусу в целом и значительного числа менее масштабных трудов в этой же области. Что же касается работ, вошедших в данный сборник, то большинство из них представляет собой тексты декларативно-программного характера, что представляется вполне естественным, ибо задача сборника состоит именно в обозначении нового вектора изучения Четвертого Евангелия, в свидетельстве о «смене парадигм».

Открывает сборник краткое вступление редактора-составителя, за которым следует статья профессора Цюрихского университета **Жана Цумштайна** «Разросшееся Евангелие. Процесс “прочтения заново” у Иоанна» (Ein gewachsenes Evangelium. Der Relecture-Prozess bei Johannes). В ней излагается взгляд на Четвертое Евангелие как на результат обрастания некоего исходного текста — или исходных текстов — интерпретирующими его/их текстами. Автор отмечает, что целью этого процесса, который он обозначает французским словом *relecture*, является не восполнение сюжетных лакун, а развитие богословской рефлексии исходного текста. Возможность того, что известный нам текст Евангелия от Иоанна является творением не одного автора, не исключается, однако акцент ставится именно на являющемся плодом тщательно продуманной богословской работы единстве священной книги. В качестве примеров *relecture*, не разрывающей Евангелие на разрозненные фрагменты, а, напротив, придающей ему целостность и одновременно динамику развития, автор приводит взаимные отношения надписания книги («Евангелие по Иоанну») со всем ее текстом, пролога (1. 1–18) и эпилога (гл. 21) с основным разделом (1. 19 — 20. 31), повествовательных разделов со следующими за ними поучениями (напр., в гл. 6), а также одних речей с другими (напр., 13. 31 — 14. 31; 15–16; 17). Наконец, внутри новозаветного иоанновского корпуса в целом можно видеть пример подобной *relecture* в соотношении Евангелия и «прочитывающего его заново» Первого послания ап. Иоанна.

Статья профессора Гейдельбергского университета **Клауса Бергера** «Евангелие от Иоанна и Иисусова традиция»² (Das Evangelium nach Johannes und die Jesustradition) посвящена вопросу о древности и подлинности содержащегося в Четвертом Евангелии материала. Полемизируя с теми исследователями, которые склонны видеть в нем

² В немецком слове Jesustradition следует в данном случае видеть указание на предание, по отношению к которому Иисус является как субъектом (Его слова), так и объектом (повествования о Нем).

лишь плод позднейшей богословской рефлексии, К. Бергер излагает аргументы в пользу его древности на примере высказываний Христа о пастыре, двери и овцах (глл. 10, 21), о падшем в землю зерне (12. 20–36) и о разрушении Храма (2. 19–22). Анализируя содержащиеся в Четвертом Евангелии слова о Грядущем (1. 15, 27; 4. 25; 6. 14) и свидетельства о том, что Иисус крестил (3. 21; 4. 1), он также приходит к выводу об их большой древности. Итоговая позиция Бергера, известная и по его нашедшей книге³, такова: вовсе не Евангелие от Иоанна предполагает знакомство с синоптической традицией, как это обычно считается, а, напротив, именно синоптический материал в ряде случаев не может быть верно понят без его иоанновской «предыстории». Следует заметить, что взгляд на Четвертое Евангелие как на древнейшее подавляющим большинством современных ученых — в том числе и авторами входящих в данный сборник работ — не разделяется и может рассматриваться как маргинальный.

Контрастирует со статьей К. Бергера следующая за ней работа профессора евангелического богословского факультета Мюнхенского университета **Йорга Фрая** «Четвертое Евангелие на фоне более древней евангельской традиции. К проблеме: Иоанн и синоптики» (*Das Vierte Evangelium auf dem Hintergrund der älteren Evangelientradition. Zum Problem: Johannes und die Synoptiker*). Подвергнув тщательному рассмотрению взгляды на соотношение Евангелия от Иоанна с синоптическими Евангелиями, представленные в христианском богословии начиная со II в., Фрай излагает свои соображения по данной проблеме и после сопоставления нескольких синоптических и иоанновских текстов приходит к выводу о том, что знакомство евангелиста Иоанна с Евангелием от Марка весьма вероятно, а с Евангелием от Луки — как минимум, не исключено. Отвечая на вопрос о месте Четвертого Евангелия в каноне, исследователь отмечает, что если не навязывать ему каких-либо сформулированных априори внешних критериев каноничности, то именно оно с его диалектикой предвечной славы и кенозиса Христа устанавливает те рамки, в которых свидетельство синоптиков обретает свою непреходящую ценность.

Профессор университета в Галле **Удо Шнелле** в своей статье «Богословие как творческое формирование смыслов. Иоанн как дальнейшее развитие Павла и Марка» (*Theologie als kreative Sinnbildung. Johannes als Weiterbildung von Paulus und Markus*) подчеркивает значение Четвертого Евангелия как текста, объединяющего две основные

³ Im Anfang war Johannes. Stuttgart, 1997. Автор книги отстаивает позицию, согласно которой Евангелие от Иоанна древнее синоптических и написано до 70 г.

линии складывающегося раннехристианского богословия: керигматическую историю Иисуса Христа (Jesus-Christus-Geschichte), представленную у ап. Павла, и нарративную историю Иисуса Христа, представленную у евангелиста Марка. Евангелист Иоанн использует жанр Евангелия, излагая при этом воспоминания о «Земном» последовательно в перспективе «Превознесенного» и сообщая возвышенному христологическому учению форму драматического повествования.

Статья профессора Вюрцбургского университета **Клауса Шольтисека** «"Нерушимое писание" (Ин 10. 35). К вопросу о толковании и богословии Писания Израиля в Евангелии от Иоанна» ("Die unaufloesbare Schrift" (Joh 10. 35). Zur Auslegung und Theologie der Schrift Israels im Johannesevangelium) написана в полемике с воззрениями, согласно которым исключительно христологическая сотериология Четвертого Евангелия ведет к «деисторизации» (*Entgeschichtlichung*) и «опорожнению» (*Entleerung*) истории спасения. В противовес подобного рода взглядам исследователь, рассмотрев содержащиеся в Евангелии цитаты из Ветхого Завета и ссылки на события ветхозаветной истории, делает вывод о том, что для евангелиста Иоанна значимость священной истории Израиля и единство спасительной деятельности Бога несомненны. При этом откровение Бога в истории Израиля находит свое эсхатологическое исполнение в Иисусе Христе.

Особое место в рецензируемом сборнике занимает работа профессора католического богословского факультета Тюбингенского университета **Михаэля Теобальда** «Евхаристия в Ин 6. От пневматологической к инкарнационной модели понимания» (Eucharistie in Joh 6. Vom pneumatologischen zum inkarnationstheologischen Verstehensmodell), посвященная обоснованию того, что в Евангелии от Иоанна содержится укорененное в древнейших преданиях евхаристическое богословие. В отличие от остальных вошедших в сборник статей этот восьмидесятистраничный труд представляет собой скрупулезный анализ конкретного евангельского текста. Как экзегет М. Теобальд, пожалуй, тоже стоит особняком среди авторов сборника — он более других привержен гиперкритическим методам. Разбирая текст 6-й главы Евангелия от Иоанна, он вычленяет редакторские добавки к исходному тексту (ими оказываются стихи 4, 23–24с, 39, 40с, 51с–58, 64–71) и отмечает, что в двух слоях евангельского текста отражены две разные модели понимания таинства Евхаристии: в исходном тексте внимание заостряется на Евхаристии как явлении «Духа и жизни» (стих 63), на ее отличии от «тленной пищи» (стих 27), а в редакционном пласте акцентируется реальность телесного приобщения к Плоти и Крови Христа. По Теобальду, эти два аспекта отражают разные

стадии в истории «Иоанновской общины» и ее взаимоотношений с определенными христианскими и иудейскими кругами, но между ними нет противоречия. «Инкарнационное» понимание Евхаристии покоится на «пневматологическом» и не выходит за рамки того, что мы знаем о раннехристианском евхаристическом богословии из других источников, поэтому богословское значение анализируемого текста оценивается исследователем высоко. Работа Теобальда, безусловно, заслуживает отдельного подробного рассмотрения, причем со стороны не только библеиста, но и специалиста по исторической литургике.

Завершает сборник резюмирующая по характеру статья его редактора-составителя профессора Вуппертальского университета **Томаса Зёдинга** «Перспектива Другого. Евангелие от Иоанна в библейском каноне» (*Die Perspektive des Anderen. Das Johannesevangelium im biblischen Kanon*). Автор отмечает, что в Четвертом Евангелии неоднократно говорится о свидетельстве кого-то «другого»: другого ученика (18. 15–16; 20. 2–8; ср. : 1. 35–39), другого Утешителя (14. 16), наконец, того Другого, на свидетельство Которого как на единственно значимое указывает Сам Иисус в споре с иудеями (5. 32), — то есть Отца. Можно сказать, что и само Евангелие от Иоанна оказывается в составе канона таким «другим», свидетельство которого сообщает особую глубину всему библейскому богословию. Рассмотрев основные проблемы, которые ставит перед богословским сознанием Четвертое Евангелие, исследователь дает следующий ответ на вопрос, вынесенный в заглавие сборника: Евангелие от Иоанна, безусловно, не является периферией Нового Завета, но не является оно также и его центром. Центр всего Писания обозначен в самом Евангелии, и этим центром является Сам Бог — Отец, Сын и Дух-Утешитель.

В завершение рецензии следует еще раз подчеркнуть, что хотя авторы вошедших в него работ и не во всем между собой согласны (в ряде мест присутствует «перекрестная» полемика), их объединяет убежденность в положительной ценности исторического и богословского свидетельства Четвертого Евангелия, в том, что это свидетельство глубоко укоренено в жизни и предании первохристианской Церкви. Представленная в сборнике «парадигма» изучения Евангелия от Иоанна такова, что многие ее элементы могут быть освоены и использованы становящейся на ноги православной русской библейской наукой.

А. С. Небольсин